

УДК 392

Н.О. Тадышева

ТРАДИЦИОННЫЕ НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ АЛТАЙЦЕВ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Рассматриваются нормы поведения и общения, являющиеся одними из основ духовной культуры алтайцев, в том числе семейная обрядность. Показаны влияние этноидентификационных процессов, межкультурного взаимодействия на трансформацию элементов социального и культурного наследия, передающихся от поколения к поколению и сохраняющихся в определенном контексте, реализация задачи обеспечения сакрального контакта алтайского народа с материальными и духовными мирами.

Ключевые слова: традиционная культура, семейная обрядность, сакральность, модификация.

По представлениям алтайцев, причинами болезней, несчастий человека и семьи в целом могло быть нарушение общепринятых норм поведения.

Анализ полевых материалов показал, что в традиционной культуре существует целый комплекс различных запретов, правил поведения, всевозможных оберегов, которые подчеркивают особое положение беременной женщины в алтайском обществе. Существует множество запретительных норм поведения для беременных и обряды облегчения родов.

Наречение ребенка сохраняет сакральное значение. Нельзя называть ребенка сакральными словами *Аржан*, *Арчын*, *Сүмер*, *Байана*, *Байлу*. Считается, что у таких детей жизнь будет сложной. Называть новорожденного в честь умершего родственника также нельзя. Пожилые информанты объяснили это так: когда этим именем называют ребенка, то родственник с таким именем в мире предков будет постоянно беспокоиться, ведь его «зовут» в солнечном мире.

До истечения 40 дней после рождения ребенка его стараются не показывать посторонним людям, особенно пожилым, чтобы не напугали, не сглазили. В семью с новорожденным принято приходить с подарком. Даже если эта встреча была незапланированной, дают гостинец. Подобный обычай встречается и у других тюркских народов, например, у киргизов существует «*корундук*» – подарок за право посмотреть новорожденного в первый раз [1].

Во время свадьбы «*таайы*» жениха (дядя по материнской линии), произнося «*алкыши*» (благопожелания), разжигает огонь, приносит жертвоприношения – «*таайы*» привязывает на треножник «*кыйра*» и «*казы*» или «*карын жу*» (внутреннее сало лошади или овечки), кладет в огонь веточки «*арчына*». Огонь – символ новой семьи, нового дома. Угощение огня является просьбой благословения новой семьи. Во время сватовства родст-

венники жениха в первую очередь кланяются огню дома родителей невесты. В повседневной жизни в огонь мусор не кладут, острые предметы в его сторону не направляют, обязательно угощают огонь четным количеством кусочков приготовленной еды, гостинцев. Сакральным местом в аиле является «*отты v баажы*» (голова огня), где не разрешается никому ходить [2]. В алтайской свадебной обрядности отражены архаические представления, так как огонь является для многих народов стихией, которую особенно выделяли и почитали. В тувинской культуре женщина, завершив приготовление пищи, первым делом должна бросить кусок пищи в огонь. Также во время свадьбы невеста должна была в юрте свекра совершить обряд «*чажыг*» – окропить домашний очаг маслом, чтобы огонь разгорелся еще сильнее. Женщинам вокруг огня можно ходить только по ходу солнца [3].

Большое место в традиционной обрядности алтайцев занимает сакрализация молока. Во время обрядов поклонений «*Алтайды v ээзи*» (Хозяину Алтая), огню, «*жайыку*» обязательно «*сет ерестеп жат*» (молоко окропляют). Пока пуповина новорожденного ребенка не заживет, из дома ничего не давали, особенно молоко. При старой луне, ночью, из дома, где умер человек, не выносили молоко. Без необходимости запрещается возить данный продукт на большие расстояния. Такой ярко выраженный выход на первый план молока и молочных продуктов у алтайцев, возможно, объясняется влиянием бурханизма, возникшего и распространившегося в Горном Алтае в начале XX в. Алтайцы называли свою веру «*ак ja v, сет ja v*» – «*белой верой, молочной верой*».

В сватовстве, приготовлении «*кийуса*» (войлочного ковра) должно было быть четное количество людей, но не могли участвовать люди разведенные, вдовы, вдовцы. Здесь наблюдается соблюдение языка символов и знаков – «живое –

неживое», «четное – нечетное», «полное – неполное».

«Чегедек» является одеждой замужней женщины, впервые надевается он во время свадьбы. В современное время, когда много конкурсов, где приветствуется демонстрация национальной одежды, пожилые люди остерегаются надевать «чегедек» просто так, ведь из-за этого можно никогда не выйти замуж. Тем самым через табуирование сохраняется традиционное значение данного вида одежды, его сакральность.

Во время алтайской свадьбы после заплетения косы невесты «таайы» совершают обряд открывания «кӧжӧгӧ». Обычно «кӧжӧгӧ» открывают с помощью «камчы» (кнута), иногда – прикладом ружья или двумя–четырьмя ветками «арчына». По отношению к «таайы» мужа, который открывал «кӧжӧгӧ», и к родителям мужа невеста должна придерживаться особых правил поведения – «кайындаш». У тувинцев замужняя женщина никогда не называла по имени свекра, свекровь и старших родственников мужа. Мужа она также не называла по имени [3].

Таким образом, можно сказать, что некогда общий пласт представлений народов Саяно-Алтая сегодня функционирует в модифицированном виде в каждой этнической культуре.

Несоблюдение обычаев, связанных с похоронно-поминальными действиями, также приводило к несчастному случаю. Существует боязнь навлечь на себя беду. В беседах информанты использовали метафоры, отражающие как пространственные перемещения, так и качественные изменения умершего человека.

Отметим отличительные черты между алтайской похоронно-поминальной обрядностью и тувинской. В последней присутствует обязательное окуривание могилы можжевельником. Тлеющими ветками растения обводят вокруг памятника, а крошками обсыпают могильный холм. Хотя «арчын» и несет в алтайской культуре функцию очищения, он, в первую очередь, является, по представлениям алтайцев, чистым, и применение в похоронной обрядности влечет его осквернение. Возможно, это объясняется влиянием бурханизма, для которого характерна особо выраженная сакрализация «арчына» и который ограничивал контакты между миром живых и миром загробным.

У тувинцев, хотя и продолжается снабжение умершего сопроводительным инвентарем, но наблюдаются изменения, вызванные влиянием русской культуры: в гроб в изголовье кладут головной убор, платок, расческу, нитки, иголку, продукты, женщине могут положить губную помаду,

бутылку красного вина, мужчине – бритвенный станок, одеколон, бутылку водки, пачку сигарет [4. С. 81–82].

Отличительным моментом являются плач и причитания у киргизов во время похорон. Жена умершего громко причитала – «кошок айткан». Все женщины в юрте сидели лицом к стенкам и громко причитали о покойном [1], что не допускается у алтайцев, но у некоторых этнических групп теленгитов, чалканцев существуют «сыгыт» по умершему [5. С. 116–121]. Здесь оказывают влияние представления алтайцев о том, что смертью не заканчивается жизнь человека, она продолжается в «мире предков».

Интересна модификация обрядности при поездках, когда алтайцы едут на сватовство, свадьбу или другое торжество. На сакральных объектах – перевалах, «аржан суу» – останавливаются, вешают «кыйра» (специальные ленточки), просят защиты от «ээзи» (хозяина) местности в пути. Огонь не зажигают, а имитируют костер из веточек и травы, оставляют приношения «ээзи». В повседневных поездках около сакральных мест совершается трансформированный обряд: находясь в машине, выключают музыку в автомобиле, на вершине перевала мужчины снимают головные уборы и гладят свою голову, женщины гладят косы. Это тенденция упрощения обряда, когда обряд сохраняет свою значимость, но его исполнение трансформируется.

То, что нарушение регламентированного порядка поведения влечет серьезные последствия, отражено в традиционной обрядности. Однако отметим, что существует вера в возможность излечения больного, изменения судьбы религиозно-магическими методами.

«Алкыши» как наиболее архаичный жанр народной поэзии основан на магии слова и имеет целью достижение благополучия в жизни, благоденствия и здоровья. К примеру, во время свадьбы исполнение «алкышей» молодым при проведении обряда «башпады», при «койу кѳчѳ» (густая перловка) – торжество, которое проводится, когда исполняется один год ребенку.

Прием имитативный (симильный) – разрезание – мы встречаем в обрядах, связанных с детьми. Во время «койу кѳчѳ», если ребенок к этому времени еще не ходит сам, проводят следующий обряд: ноги ребенка завязывают белыми нитками или лентой «тужак» (путь), и «таайы» или родители, или какой-нибудь «шулмус» (шустрый ребенок) разрезает ленту, произнося алкыши. Разрезают со спины ребенка либо ножницами, либо ножом, чтобы ребенок быстрее пошел, символически

давая ему возможность шагать. Обряд перекликается с «*тушоо кесуу*» – обряды, посвященные первым шагам ребёнка в киргизской культуре. В сохранении ритуального действия, видимо, сыграла свою роль значимость обряда перехода из состояния младенчества в детство [1].

Применялись апотропеические способы отпугивания злых духов – обереги. Традиционно маленьким девочкам прокалывали уши. Серьги выступали как обереги от порчи, сглаза. В советский период эта традиция была прервана, сегодня существует мнение, что если уши у тебя не проколоты, то в мире предков (после смерти) уши будут тебе прокалывать хвостом черной змеи. По-видимому, значение обряда утрачено, но его пытаются возродить. Религиозно-магические заклинания в большинстве направлены на испрашивание благословения для ребенка, семьи, народа, Алтая.

Формирование основных характерных признаков традиционной обрядности происходило в результате влияния разных государственных образований, религиозных учений. Общий мировоззренческий пласт, свойственный для народов Саяно-Алтая, был модифицирован. В определенном контексте они продолжают действовать и сейчас.

Традиционные обряды в некоторых случаях трансформировались в сторону облегчения или упрощения, к примеру, сватовство (сократилось число визитов к родителям невесты), обряд заплетения косы невесты (из-за коротких современных причёсок), имитация строительства аила во время свадьбы.

Под влиянием православия в традиционной обрядности алтайцев произошли серьезные изменения. Новации проникли в похоронные обряды: появление подземных захоронений на специальных кладбищах, соблюдение поминальных дней. Вероятно, это связано с неразработанностью этих

сюжетов и сохранением табуированности этой темы в традиционных верованиях.

Сохранившиеся особые отношения между племянником и его «*таайы*» – дядей с материнской стороны – говорят о существовании в историческом прошлом у алтайцев матриархата, а также об устойчивости этой категории родственных связей у современных алтайцев.

Параллельно движется и процесс десакрализации некоторых элементов традиционной обрядности, ношение «*чегедека*» незамужними девушками, изготовление оберегов как сувенирной продукции для продажи.

С одной стороны, можно говорить и об унификации этнической культуры, но одновременно происходит и выявление и реконструкция традиционной обрядовой стороны жизни алтайцев. И в данном случае обряды не просто руководство к обязательным действиям, а практически программа поведения каждого алтайца, регулирующая действия на основе норм и ценностей целого этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Традиции, обычаи, обряды киргизов* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vircity.kg/russian.php?do=traditions>, свободный (дата обращения 10.03.2012).
2. *Полевые материалы* автора 2008–2009 гг. Усть-Канский район Республики Алтай.
3. *Чымба Д.М.* Традиционные нормы поведения и общения тувинских женщин в быту // I Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tuvsu.ru/rffu/?q=content>, свободный (дата обращения 03.03.2012).
4. *Кисель В.А.* Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII–XXI вв. СПб.: Наука, 2009. 142 с.
5. *Алтай* алкыштар: Алтай албатынын оос творчествозы (Алтайские благопожелания: Устное творчество алтайского народа). Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 144 с.